

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И.А. Кайтова

Осетинская литература всегда углубленно и художественно убедительно исследовала такие социальные общности, как народ, нация, классы, семья. Объектом ее пристального внимания становились сугубо философские вопросы бытия данных общностей: каковы они с точки зрения их ценностно-аксиологической значимости на конкретном этапе исторического развития общества, в каком направлении они развиваются и какова их историческая судьба в потоке мощной динамики и диалектики историко-культурного процесса. В целом та или иная общность в интерпретации осетинской литературы – объективная реальность, форма общественной жизни, исторически обусловленная социальной связью между людьми, ее составляющими. Кроме того, она особый акцент ставит и на сознательно-духовных факторах общности: язык, традиции, менталитет, мировоззрение, социально-нравственные ценности, идеология. В общности люди объединены типом деятельности в системе общественного производства, включенностью в те или иные хозяйственные связи, общими материальными интересами, территорией или пространством, где они живут или работают. В этом смысле социальные общности, в концептуальном понимании осетинской литературы, объективны по своей природе. Но в них также обязательно присутствует и субъективный фактор. Так, любой человек, член той или иной общности, создает свои собственные связи и отношения в ней, либо обогащая ее потенциальные возможности в движении к общественному прогрессу, к идеалу, либо уменьшая их. В целом это зависит от личности человека, его гражданской и нравственной зрелости. И потому столь глубоко и внимательно изучает осетинская литература природу, сущность человека, его связи в обществе. Вкратце такова философско-эстетическая концепция социальной общности, сформированная осетинской литературой на протяжении всей ее истории.

Ключевые слова: осетинская литература, социальная общность, народ, семья, роман, повесть, герой, характер.

Социальные общности – предмет глубокого, вдумчивого художественно-эстетического изучения и анализа в разных жанрах осетинской литературы. При этом писатели формируют в своем сознании философски и исторически обусловленное представление о понятии «социальная общность». Прежде всего, они исходят из того, что общность – это «совокупность людей, объединенная исторически сложившимися, устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих признаков (черт), придающих ей неповторимое своеобразие» [1,452].

Такое понимание сути социальной общности позволяет осетинским писателям сформировать

реалистическую, убедительную концепцию национальной истории, оригинальную художественно-эстетическую философию бытия осетинского народа, создать такую картину мира осетин, в которой любой пытливым ум найдет ответы на все свои вопросы.

Рассматривая народ как важнейшую социальную общность, осетинская литература глубоко реалистично, в духе толстовских традиций, пытается постичь всю историософию, проанализировать историческую судьбу осетин. Так, писатель В.Цаголов в своей замечательной трилогии «Послы гор» (1965-1989) показал, как и с каким трудом народ делал важнейший выбор в своей истории. Неторопливые и рассудительные горцы после многолетних размышлений пришли к выводу о том, что им по пути с великой и загадочной Россией. Сама жизнь, суровая реальная действительность подводит представителей разных социальных слоев – старейшину Зураба, кузнеца Дзатто, закинского крестьянина Баззе, – к мысли о необходимости поисков сильного, могущественного друга. Личный опыт героев убеждает каждого из них в том, что в условиях постоянной вражды и козней, устраиваемых коварными соседями, только дружба с Россией даст Осетии точку опоры, обеспечит выход на равнину и человеческое существование.

Это обуславливает суть художественного конфликта в трилогии: автор исследует проблему общенациональной значимости. Здесь, не-

сомненно, проявилось сокровенное: стремление «вписать» свой национальный мир в большой и объективный человеческий мир. А в конечном итоге перейти к проблемам общечеловеческого звучания, т.е. сделать шаг от частных фактов горской истории к большой, всеобщей истории. В этом проявляется глубокий смысл, и прежде всего, желание писателя связать конкретные факты частной горской жизни с жизнью общечеловеческой.

Рисуя своеобразную, полную драматизма, жизнь горцев, В.Цаголов раскрывает характеры главных героев трилогии: старейшины Зарамага, Зураба Елиханова, старейшины Заки Эба Кесаева, брата его Хангери, простого горца Баззе и др. Мучительные вопросы бытия заставляют каждого из них думать, страдать, определяют основу его духовных, нравственных исканий, и, конечно же, активной деятельности.

Старейшина Зарамага Зураб Елиханов уверен в том, что чем сильнее человек, тем меньше он зависит от врагов. А для того, чтобы стать сильной, могущественной и не зависеть от коварных соседей, Осетии нужно искать дружбу с Россией. Это спасет не только от рабства и зависимости, но и поможет разработать богатства гор и использовать их на благо человека.

В представлении его, человека, прожившего в России много лет с грузинским царевичем Вахтангом, судьбы родной Осетии неразрывно связаны с Россией. Однако его мнение разделяют не все земляки. Так,

старейшина Заки Эба Кесаев задумывается: потеряет или нет Осетия свою самостоятельность, если войдет в состав России? И еще один немаловажный вопрос волнует Эба: а не перемешаются ли осетины с русскими, ведь их – много, а осетин мало...

Писатель правдиво раскрывает здесь сложные нюансы психологии малочисленных народов в момент рождения их исторического и национального самосознания, в момент острого осознания ими их самобытности. Это в значительной мере укрупняет масштабы психологической напряженности повествования.

Судьба народа в трилогии Цаголова становится не просто объектом изображения, а и структурной основой повествования, формируя художественный мир, тем самым обогащая и существенно меняя жанровую разновидность осетинского романа. Мышление писателя, идущее по пути философского обобщения и осмысления конкретных фактов истории, становится гораздо многообразнее, сложнее и противоречивее в своей манере толкования и интерпретации этих фактов, в глубине понимания отдельных разнообразных событий и явлений. И это обогащает его художественную методологию трактовки фактов истории в конкретных образах.

Решая сложные задачи, Цаголов ставит перед собой конкретную цель: он осмысляет и по-своему трактует общезначимые, общечеловеческие проблемы бытия. В частности, сво-

еобразно ставит философскую тему роли личности в истории.

В чем здесь существенно новое и своеобразное? Прежде всего, автор выдвигает свой принцип подхода к истории, стремясь вывести из самой истории горских обществ ее философию, в частности, нравственный смысл этой истории – многосложной, полной драматизма народной судьбы. То есть в своей концепции национальной истории писатель тесно увязывает, более того, сводит к причинно-следственной зависимости проблемы социальные и нравственно-этические.

Ход истории в трилогии трактуется как главный «двигатель» сюжета, цель которого – раскрыть важнейшие закономерности исторического развития горских обществ, их «включение» в орбиту общечеловеческой истории. Отсюда следует существенное обогащение проблемных акцентов. Базе симпатичен не только как герой, обладающий положительными индивидуальными качествами, но и вследствие той роли, которую он играет в системе художественных образов: он, прежде всего, – представитель нового социального слоя в горском обществе: купечества.

Так реализуется писателем национальная духовная энергия. А через осмысление философской темы человека и истории Цаголов представляет реально национальную духовную субстанцию.

Автор умело использует принцип художественной панорамности, раскрывая действие по разным сюжетным линиям. В характерообразова-

нии же прибегает к принципу социально-исторической детерминированности характера. Писатель не идеализирует ни Зураба, ни Эба, которые в общем-то остаются представителями своего класса и, естественно, «детьми» своего времени. Так, оба они не желают вовсе сравняться со своими работниками. «Выходит, и мне кусок земли, и моему кусагу?!» – возмущенно восклицает Эба. «Нет, почему же, – успокаивает его Зураб, – кусагу своему – кусок, какой определишь ты. А сам возьмешь, сколько захочешь!» [2,20]

В трилогии Цаголова, как мы могли убедиться, заложен глубокий, искренний интерес к исторической судьбе народа. И в ней выразились народные идеалы и представления, народная концепция прошлого, патриотический пафос и мирозерцание.

Художественные искания писателя явно обусловлены его стремлением показать народную жизнь и судьбу на изломе горской истории, в один из сложнейших ее периодов; осмыслить, какое значение этот период и обусловленные им события заняли в духовно-нравственной атмосфере последующих эпох, в формировании исторического самосознания, в становлении конкретного человека, активно действующего в потоке истории.

Но главное достоинство трилогии в том, что автор проявил упорное стремление глубоко постичь душу народа, представить ее крупно, масштабно, как главный итог поступательного хода горской истории.

Сумел установить живую связь времен, выделить ведущие тенденции в развитии осетинского общества. В этом, собственно, проявилась его художественная концепция горской истории.

Художественное сознание, идущее по пути философского обобщения и осмысления конкретных фактов истории, гораздо богаче и многообразнее, сложнее и противоречивее в своем своеобразии толкования этих фактов, в глубине понимания отдельных разрозненных фактов и явлений. И это обогащает и его методологию трактовки фактов и явлений истории в конкретных, художественных образах.

В.Цаголов по праву считается крупнейшим историческим романистом в истории осетинской литературы. Заслуга писателя в том, что он утвердил в художественном сознании общества подлинную философию истории осетинского народа. Сущность ее заключается в том, что исторические судьбы осетинского народа тесно связаны с судьбами великого русского народа, с судьбою России, которую осетины признали своей родиной. И все творчество В. Цаголова поэтапно, в историческом ракурсе, утверждает эту концепцию. Первый этап – начало дружбы – трилогия «Послы гор», роман «За Дунаем» (об участии осетин в войне с турками в прошлом веке), второй этап – роман «И мертвые вставали» об участии осетин в Великой Отечественной войне; третий этап – роман о мирной жизни, о шахтерах Осетии – «13-ый горизонт».

Эту философию истории осетинского народа писатель формирует более 40 лет. И концепция его весьма актуальна: осетины всегда были и остаются верными своему историческому выбору, принципам гуманизма и братства народов. И в этом – величие и нравственная красота национального характера, каким сумел показать его В.Цаголов.

Важно, что книги писателя показывают миру подлинную правду о том, что такое осетины как народ, нация, и чего они хотят в жизни. И тут художественная правда, как у всякого большого художника, совпадает с исторической правдой, правдой жизни. Писателю удалось сблизить художественное сознание с теоретическим познанием, поскольку он ориентировался на факты исторической науки. Это умелое использование разных сфер общественного сознания (искусства и науки) и определяет эстетику Цагорова.

Семья в осетинской литературе представлена как малая социальная группа людей, объединенных общим эмоциональным состоянием, общими ценностями, установками и нормами поведения. Люди здесь объединены родственными узами, бытом и моральной ответственностью друг за друга.

Повесть М. Дзасохова «Страна, богатая ласточками» построена как воспоминания взрослого человека о своем детстве, которое пришлось на суровые военные годы.

Так, сквозь, казалось бы, сугубо личные восприятия автор стремится представить национальную жизнь

на определенном этапе истории во всей ее сложности, драматической полноте и психологической многогранности, высветить все грани всенародного духовного опыта, обогатившего юную неокрепшую душу подростка светом истинного добра и человечности, мудрости и красоты. Драгоценный опыт этот, по сути своей, несет в себе зерна национального и исторического самосознания народа, пронизанные нравственно-этическими императивами сурового времени. Таким образом раскрывается судьба рядовой, обычной семьи.

Надо сказать, что уже в самом творческом замысле повести присутствует идея эпического, идея всеобщности единичной судьбы, идея всенародности, когда в эпоху военной действительности личная жизнь и частная судьба каждого отдельной семьи подчинялись единой логике, - логике победы в этой жестокой бесчеловечной войне, логике трагических потерь и нравственных обретений. Писатель стремится философски осмыслить всю историю народа, которая слилась для него с кратким мигмом суровой военной поры, когда сконцентрированно и в сжатом виде особенно остро проявилась вся духовная мощь, духовная «предметность» нации, народа, семьи.

Все значительное в народном бытии тесно переплелось с личным, индивидуальным жизненным опытом мальчика: по мере взросления, духовного мужания подростка расширяется мир его социальных связей.

Первые уроки доброты и красоты человеческих отношений, жизненной мудрости мальчик получает в семье от матери, - великой труженицы Дзыцца, чью печальную улыбку и скупые ласки воспринял как лучшую награду, похвалу, как одобрение. Для мальчика, как и для самого писателя, в этих связях отцов и детей сокрыты поиски «архе» – начало начал. Жизнь народная начинается и кончается не индивидуальным бытием, не жизнью отдельного человека: она – как полнокровная река, чьи воды щедро поглощают каждый отдельный ручеек, вливающийся в нее. Однако общая чистота и успокоительная прохлада потока зависят от чистоты и качества каждого ручейка, ее наполняющего. Дзыцца, простая неграмотная горянка, всю свою жизнь занимается нелегким сельским трудом на колхозном поле. И этот нелегкий труд, само безрадостное бытие этой женщины, особенно в пору военной действительности, роднит ее с родом человеческим, со всем советским народом. Перед глазами подрастающего сына и двух малолетних дочек все время незримо присутствует образ матери-труженицы, Дзыцца, которой нет ни минуты покоя. После напряженного трудового дня она, сломя голову, бежит домой, спешит к детям, которые целый день предоставлены сами себе. Чуть свет – она опять торопится в поле, а ведь надо еще и с домашними делами управиться. И как только она везде поспекает, удивляется не по годам мудрый, рано повзрослевший, рассудительный сын.

В глазах детей мать, простая осетинка, великая труженица, пользуется безграничным авторитетом и любовью. Дети, не обладающие богатым жизненным опытом, все же чутким сердцем своим понимают всю сложность происходящего. И масштабы человеческой личности ими выводятся из степени соразмерности конкретных поступков и поведения человека со сложным характером военного времени. Поэтому, не умея выразить словами всю сложную гамму своих чувств, не умея дать оценки происходящему, дети все же трогательно самостоятельны и довольно оригинальны. Вспомним, с какой радостью маленькая Дунетхан приготовила подарок для любимой Дзыцца: пучок спелой пахучей земляники, перевязанный гибкой, тонкой лозой, - любимое лакомство деревенских детей суровой военной поры, когда и еды-то вдоволь не было.

Глядя на мать, великую труженицу, и мальчик не может сидеть, сложа руки. И он на себя взваливает часть материнских забот. Надо и за Бади уследить, и Дунетхан из виду не терять, и дом караулить, и не забывать об ягнятах и телке, и приглядывать за вишней, чтобы ее никто из мальчишек не оборвал. И все это надо делать хорошо, с особенным усердием, чтобы вечером не бояться взглянуть Дзыцца прямо в глаза. Так мальчик под влиянием матери начинает приобщаться к великому грузу человеческой ответственности, к великой тайне человеческой любви и взаимопомощи. Все, что делают

дети, все свои конкретные поступки и действия, они пытаются оценить, прежде всего, с точки зрения матери. И это не случайно: первые уроки человечности они получили от нее, в ней впервые узнали человеческие черты и качества. «Хороший человек» - вот важнейшая похвала, звучащая в устах матери, нравственный, этический идеал, утверждаемый ею в жизни всем своим поведением, образом жизни; важнейший нравственный критерий, на который она ориентируется всю нелегкую вдовью жизнь, считая праздное, беспечное существование недостойным человеческого звания. Она и в памяти сына сохраняется как вечная труженица, великая, добрейшая и прекрасная мать человеческая. Не суетливая, скупая на слова и похвалы, а в военное лихолетье и на улыбку, она молча, сохраняя горское достоинство и какую-то даже царственную величавость, выполняет свой обыкновенный человеческий долг. Изо дня в день совершает одно и то же. Утром, когда только светает и дети ее сладко спят, спешит она в поле, прихватив с собой скудный обед. Целый день, не поднимая головы трудится, в обед, стараясь сэкономить часть хлеба, которую припасет для детей на ужин. Проработав весь световой день, поздно вечером спешит домой к детям. В эту пору материнское сердце особенно спокойно, и хоть натруженные за день ноги плохо слушаются, спешит она к малышам своим. Накормив детей, прибрав дом, переделав домашние дела, усядется мать напротив детей,

и те, не сговариваясь, начинают свой рассказ о том, чем занимались днем, что удалось сделать всем хорошее, а что удалось хуже. Дети, угадывая беспокойство матери, старались целый день вести себя хорошо. И если вечером материнское лицо озаряла скупая улыбка, а морщинки на лбу разглаживались, дети бывали истинно счастливы. Эта атмосфера духовной связи детей и матери в пору военной действительности роднит их со всем народом, со всем родом человеческим. И эти постоянные, повседневные, будничные заботы приобретают статус эпически масштабных, всенародно значимых событий, цель которых – сохранить себя не только физически, но и нравственно, т.е. нравственную чистоту в себе, человечность. А это куда труднее, чем сохранить себя физически.

И в этом стремлении матери сохранить детские души в первозданной чистоте и возвышенном благородстве, как и в ее гуманистическом мироощущении, отражается эпическая масштабность, значительность военного времени, но только не трагическая безысходность его, а напротив: непобедимость его, ибо духовная мощь народа, победившая и вдовьи слезы, и сиротскую долю, свидетельствует о неистребимости запаса человечности, доброты, вообще добрых начал в человеческой жизни.

Писатель как бы задает вопрос: в чем она, сила семьи, что помогает а обстоятельствах крайне напряженных, требующих сверхчеловеческой духовной помощи, и матери, и

сыну; что их связывает так крепко с землей; чем обусловлена прочная их укорененность в реальной действительности? И сам же отвечает: и дети, и мать помогают друг другу, умножают силы друг друга. Так, при виде радостно встречающих ее детей у Дзыцца исчезает усталость, в натруженных руках ее вновь пробуждаются силы, и, засучив рукава, она опять принимается за домашнюю работу. В потоке жизни дети учились быть людьми.

Дети жили своей, только им понятной жизнью, радовались, огорчались, ссорились, ругались, опять мирились. «Ребята развели костер. Ничего нас так не сближает, как пламя пылающего костра. Как ни ссорились мальчишки, как бы ни были разгорячены игрой, как бы ни обижались друг на друга, возле тепла и света костра все распри вмиг забывались» [3, 168].

Как исследует осетинская литература, общности (народ, класс, семья) удивительным образом влияют на формирование личности человека, своего члена.

Г.Бицоев в своем романе «Зеркало неба» художественно убедительно раскрывает судьбы людей, представляющих свой народ и свою эпоху.

Раскрывая характеры реальных героев в конкретных, очень сложных, полных драматизма военной действительности, обстоятельствах, писатель поднимает значительные нравственно-этические проблемы.

В годы Великой Отечественной войны, когда немецкие фашисты вступили на осетинскую землю, не-

большая группа чабанов, состоящая в основном из стариков, возглавляемая только что вернувшимся с фронта по случаю тяжелого ранения Сабаном, получила задание угнать колхозное стадо через горное ущелье в Грузию. Задание оказалось не из легких. При его выполнении от каждого потребовалась огромная сила воли и мужество. Более того, создалась такая критическая ситуация, когда каждый из чабанов должен был сделать свой нравственный выбор: выбор, к которому практически готовился всю жизнь. И выбор, сделанный каждым из них, оказался тем пробным камнем, который раскрыл полностью сущность и ориентации общества в столь сложных обстоятельствах.

Писатель, показывая, как каждый из героев пытается утвердить свою собственную, жизненную концепцию, стремится как бы раскрыть сложную многогранность человеческого мира. При столкновении доброго и злого начал, добро обязательно победит, поскольку оно – истинное, изначально человеческое качество. И нормальное состояние человеческой души – потребность творить добро, умножать и ценить его, бороться за него, утверждать его позиции любой ценой, даже ценой собственной жизни, – такой вывод, к которому приходит писатель.

Трое мужчин: Сабан, Зарабег, Гадцыр и единственная женщина, волею ситуации оказавшаяся с чабанами, Ануси, – делают все, чтобы полностью реализовать свои духовные, нравственные силы, чтобы в столь

тяжелых обстоятельствах не перестать быть человеком, не истребить самому и не дать другим истребить в себе человечность.

Писатель пытается исследовать истоки человеческого характера, понять, что такое человек как сын своего народа, каков он среди людей и перед лицом своего человеческого долга. Пытаясь ответить на этот вопрос, писатель формирует свою концепцию человека. А в процессе формирования концепции человека поднимает важные философские проблемы человеческого бытия, исследует, чем и во имя чего он живет, какие ценности утверждает в жизни. И это не случайно. Сама человеческая жизнь мыслится писателем не только как физическое бытие в пространстве и во времени, а как деяние: активное, жизнеутверждающее.

Писатель как бы ищет и находит нравственную формулу человеческого бытия: каждый на своем конкретном месте и всегда должен оставаться человеком, самоотверженно выполнять свой человеческий долг, долг перед собственной совестью.

Сабан терзается сомнениями, правильно ли он поступил, согласившись идти с чабанами: если в такой тяжелой дороге может ходить за стадом, неужели бы в селе не пригодился. И ему становится стыдно. Здесь герой явно не прав: забота об окружающих, как правило, оттеняет на второй план все его думы о себе. Какое, скажем, заинтересованное участие он проявляет в судьбе Зарабега.

В результате несчастного случая в горах семья Зарабега трагически по-

гибла... Но Зарабег не пал духом: он продолжал жить и трудиться.

Писатель обогащает свою этическую программу глубокой философской мыслью: труд не только источник материальных благ, но и целитель душевных травм, т.е. поистине источник жизни. Автор акцентирует нравственно-этические функции человеческой деятельности, как необходимой формы его существования, его физического и духовного бытия.

Отсюда следует другая, не менее значимая в жизни человека мысль: если главная ценность человеческой личности – ее беззаветное отношение к труду как одной из основных обязанностей на Земле, то как же надо его оценивать, с какой нравственной меркой к нему подходить?

Не менее значима следующая: о том, что человеку необходима нравственная опора, «точка заземления», ведь человек гол и сиротлив, если нет на земле людей, его искренне любящих. Человек на земле рождается для счастья: жизнь – ведь не только источник всевозможных бед, но и источник радости, умножающий его внутренние, душевные силы, уверен писатель.

Умение радоваться жизни, которая сама по себе – величайшее благо и ценность ни с чем не сравнимая, – признак нравственного, духовного здоровья человека и социального благополучия в человеческом обществе, его этический идеал, в конечном итоге, и смысл всей человеческой истории, прогресса. На такие мысли наталкивает непритворная, поистине братская забота Сабана о

Зарабеге, судьба которого складывается столь трагически.

Своеобразно раскрыта в романе и философия труженика, творца материальных благ, Бедза. Он, раздумывая, что же заставило немцев оставить свои дома и идти грабить чужие, совершенно искренне думает, что немцам, наверное, чего-то не хватало, иначе как можно, имея кусок хлеба, зариться на чужое?

Психологию Бедза писатель пытается раскрыть как типичное, естественное для труженика явление, явление социального порядка.

Бедза смотрит на мир глазами трудящегося человека. А с точки зрения автора романа, ничего нет вернее дум труженика. «Бедза же искренне удивляется: как может физически здоровый человек хотя бы на миг прожить без забот, как может он обмануть проросшую траву? Что может быть для него интереснее момента, когда прорастает зерно, как этому можно не радоваться? Как можно спокойно заснуть, если эта молодая поросль нуждается в твоей, человеческой помощи и участии? Почему не обогреть ее своим теплым дыханием?» [4, 166].

Из жизненной позиции и нравственной установки Бедза следует и его уверенность в том, что труженику на земле не должен никто мешать: он заслужил покой и уважение. Не понимая, насколько идеологии фашизма противна и мораль, и философия трудящегося, его осмысленное отношение к жизни, он наивно полагает, что немцы, убедившись, какой он хороший и верный земле труже-

ник, не тронут его вовсе. Но постепенно Бедза начинает «прозревать», задумывается: а люди ли вообще эти фашисты, если столько горя и слез принесли на чужую землю, – всюду, в любом самом маленьком горном селении, куда ступала нога чабанов, пестрели свежие могилы с траурными флагами, могилы солдат, не вернувшихся с поля брани. Писатель стремится вплотную соотнести человека как сына своего народа и его время: с его точки зрения, каждый из героев настолько «вписан» в свое время, в поток его нравственных исканий, что его личной судьбой становится судьба его народа, его времени, его среды. И это главная закономерность человеческого бытия.

Акцентируя внимание на духовных ценностях отдельной личности, на людских взаимоотношениях, обычаях, традициях, автор романа «Небесное зеркало» использует их в процессе своего художественного исследования как средство познания национального духа и характера человека, тысячами невидимых нитей связанного со своим народом.

Словом, осетинская литература стремится выявить суть характера героя, представляющего свой народ как социальную общность, показать характер как исторически обусловленный тип поведения (поступки, мысли, переживания, речь) [5, 481].

Таковы вкратце концептуальные представления о таких социальных общностях, как народ, семья, и их влияние на становление судьбы и характера человека, представляющего их.

1. Общность / Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 452-453.
2. Цаголов В. Послы гор. Роман. Орджоникидзе, 1989.
3. Дзасохов М. Страна, богатая ласточками. Повесть // Осетинский долг. М., 1988. С. 161-240.
4. Бицоев Г. Небесное зеркало. Орджоникидзе, 1987.
5. Тюпа В.И. Характер // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 481-482.

Kaitova, Irina A. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); irinakaytova@mail.ru

PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC CONCEPT OF SOCIAL COMMUNITY IN OSSETIAN LITERATURE.

Keywords: Ossetian literature, social community, people, family, novel, hero, character.

Ossetian literature has always explored in depth and artistically convincingly such social communities as people, nation, classes, and family. The object of her close attention became purely philosophical questions of the existence of these communities: what are they from the point of view of their axiological significance at a particular stage of the historical development of society, in what direction do they develop and what is their historical fate in the flow of powerful dynamics and dialectics of the historical and cultural process. In general, this or that community in the interpretation of Ossetian literature is an objective reality, a form of social life, historically determined by the social connection between the people who make up it. In addition, it places a special emphasis on the conscious-spiritual factors of community. For example, such as language, traditions, mentality, worldview, social and moral values, ideology. In a community, people are united by the type of activity in the system of social production, involvement in certain economic ties, common material interests, the territory or space where they live or work. In this sense, social communities, in the conceptual understanding of Ossetian literature, are objective in nature. But they also necessarily have a subjective factor. Thus, any person, a member of a particular community, creates his own connections and relationships in it, either enriching its potential opportunities in the movement towards social progress, towards the ideal, or reducing them. In general, it depends on the person's personality, his civic and moral maturity. And that is why Ossetian literature studies the nature, the essence of a person, and his connections in society so deeply and carefully. In short, this is the philosophical and aesthetic concept of social community, formed by the Ossetian literature throughout its history.

REFERENCES

1. *Obshchnost'* [Community]. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 1989, pp. 452-453.
2. Tsagolov, V. *Posly gor. Roman* [Ambassadors of the mountains. Novel] Ordzhonikidze, Ir, 1989. 543 p.
3. Dzasokhov, M. *Strana, bogataya lastochkami. Povest'* [The country rich in swallows. The story]. *Ostinskii dolg* [Ossetian debt]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1988, pp. 161-240.
4. Bitsoev, G. *Nebesnoe zerkalo* [Heavenly mirror]. Ordzhonikidze, Ir. 1987. 413 p.
5. Туупа, V.I. *Kharakter* [Character]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 1987, pp. 481-482.